

Бах Ахмедов – вольный охотник на полях поэзии. Он то доверяется мощному движению неконтролируемого авангардного стиха, то кочует на берегах традиционной лирики, оставаясь самим собой. Непредсказуемый, динамичный, многоцветный характер его поэзии полон жизненной энергии. Он легко обманывает читательское ожидание, меняя интонацию и угол поэтического зрения на привычные явления жизни, вызывая постоянный интерес к тому, что радует или тревожит поэта в этой жизни.

Д. Ч.

* * *

Осколки смысла не сложить
в одну картину...

Но каждый день нам надо жить
и что-то делать.

Вот так становишься порой
авангардистом.
И наслаждаешься игрой
цветов и пятен.

И где-то среди чистых форм
блеснёт осколком
твоя душа, как вечный спор
с абсурдом жизни.

* * *

говоришь тепловая смерть
говоришь третий закон термодинамики
в пределах одной квартиры комнаты постели
размениваешь купюру прошлого
на мелкие монетки будущего
потому что нужно для метро
караоке сигарет спичек
проходишь через зеркало не оставляя следов
не оставляя возможностей найти тебя по звуку
а я молча кивком головы соглашаюсь с тобой
соглашаюсь со временем
и даже со своим согласием соглашаюсь постепенно
потому что стены это стены
и окно всего лишь окно
(звучит как пародия, но это так)
и попытка мышления требует мужества
тепловая смерть такая тёплая
такая нежная усыпляющая тихая
тихое утешение
от незримой вселенной
тихое приближение
к великому равновесию

* * *

...И вся эта ревность, и верность, и трезвость...
И весь этот джаз бесконечных «прости».

И вся это странная, нежная честность,
когда ты пытаешься что-то спасти.
И все полуночные эти вопросы,
Когда ты боишься услышать ответ.
И все эти падать уставшие звёзды
на вечно холодное зеркало лет.
Всё это смешно и до боли нелепо.
Но разве без этого можно дышать?
И всё это ломкое зимнее небо.
И вся эта рваная в клочья душа...

* * *

протягивая руку в пустоту
на лице улыбка мертвеца
скажу устало
что нет никакого начала
и нет никакого конца
только одни круги
в спальном районе тоски
где вертикальные лабиринты
лифтов и этажей
как пропасть между
ещё и уже

я приду к тебе безумным дон кихотом
с копьём длиною в два метра
пятнадцать сантиметров
и мы будем вычислять
скорость ветра
и рост великанов
с крыльями мельниц
с глазами из мыльниц
с огромной пастью
в которой вечный будильник
не может нас разбудить
но продолжает звонить
а рядом однорукий мигель
записывает всю эту канитель
заполняя пространство
своей гениальностью
превращая нас в персонажей

бесконечного текста
такая вот сверхтекучая геометрия
с тенью бессмертия

я приду к тебе постаревшим улиссом
прикоснусь к тебе потоком сознания
как единственным оправданием
тысячелетнее странствие
закончится в тихой комнате
тень к тени
свет к свету
звук к звуку
джеймс к джойсу

я приду к тебе
кем угодно
кем ты захочешь
кем не захочешь
человеком без имени
человеком с тысячью имен
именем без человека
языком без правил

ты медленно поднимешь глаза
оторвёшься от чтения
посмотришь на меня
через призму времени
узнаешь и не узнаешь
будешь подбирать слова
а рядом расстрелянный
лорка нежности
будет просить воды
всего лишь глотка воды
что можешь дать ему
только ты

ПО МОТИВАМ «ЧАЙКИ»

Люди, львы, орлы и куропатки,
всё ли с вами, милые, в порядке?
«Нет, не все в порядке... — отвечают. —
Автор нас покинул навсегда».

Медленно по небу проплывают
наши тени...
Тают города.
И давно скукожилась шагренью
мировая вечная душа.
То ли притупилось наше зренье...
То ли острие карандаша...»
Их слова звучат всё глуше, глуше...
В зале пусто, тихо и темно.
Лишь неслышно плачут чьи-то души
о финале, сыгранном давно.

ТРАМВАЙНЫЙ БЛЮЗ

...И вот уже в прошлое навсегда
последний трамвай узвенел.
И все слова унесла вода –
словам положен предел.
Один лишь старик остался сидеть
в тихом трамвае том.
Словно совсем забыл умереть
светлым весенним днём.
Он смотрит, и смотрит, и смотрит в окно
сквозь паутину снов.
Дождливое небо на всех одно,
одно на всех стариков.

Один на всех стариков трамвай
с дугою, летящей ввысь.
И рельсы мерцают, и тают слова,
и светится тихо жизнь.

* * *

Милая моя ящерица,
заведи себе человека.
Попытайся его постичь...
Смотри на него часами,
изучай его повадки,
вслушивайся в его безумные речи,
читай его морщины,

впитывай его
бесконечную усталость.

Заведи себе человека.
И тебе его хватит
на всю твою долгую жизнь.

ВЕЧЕРНИЙ ДЖАЗ

Время безусловно знает все наши лица.
И одно из них, как правило, птица.
Не ищите логических связей.
Не ищите многообразий.
Потому что в каждом зеркале
прячется разбитое зеркало.
И в каждом человеке – осколки человека.

И рубежи безжалостны.
И границы мертвы.
И не стоит писать: «Прости, пожалуйста...»
на пепле сгоревшей листвы.

Потому что всё давно уже пройдено.
Найдено, описано, выпито, снято.
И только язык остаётся родиной...
Язык, на молчании нашем распятый.

* * *

Я мог бы всю жизнь провести у коленей твоих непослушных,
забыв навсегда о своих простодушных желаньях.
Но в мире так трудно дышать, и безумие душит.
И речи, что камни, готовы сорваться в молчанье.
Да, мог бы всю жизнь провести, но не хватит на это свободы.
И ядом, и потом её пропитались страницы,
где строчки прозрачны, как неба предвечного своды,
как все твои годы, что легче упавшей ресницы.
А слово по-прежнему зыбко, как тени наитий.
И Лета всё так же влечёт неземною прохладой.
Не хватит свободы, и спутаны тонкие нити,
и время блестит на зелёных зрачках винограда.

* * *

Ты живёшь где-то там,
в самых дальних небесах.
В самых хрупких и ненадежных зеркалах...
В самых грустных глазах.
А мои небеса – окрестный квартал.
И я их строил из твоего дождя.
Из твоей нежности сочинял.
Но нет в них тебя.
И когда я схожу с ума,
пытаясь что-то понять,
они обрушиваются на меня
всем твоим отсутствием,
всем твоим сомнением,
чёрными дырами отчаяния,
всем твоим горловым пением.
И я стою под этим дождём,
не в силах пошевелиться...
И время влетает в мой раненый дом
подбитою птицей.

* * *

В лифте нас двое: я и старик
с красным платком в руке.
И кажется мне, что сбежал он из книг.
Сбежал, как был, налегке.

Старик в упор на меня глядит,
а я отвожу свой взгляд.
Сказал бы хоть слово! Но он молчит,
и руки его молчат.

И вдруг застревает зеркальный лифт
На час... А может, навек.
Становится холодно, сердце болит,
и падает мягкий снег.

И мне улыбается молча старик –
Улыбка его страшна.
И в горле моём застревает крик,
а может, просто вина.

И трудно мне взгляд от него отвести –
Я тихо схожу с ума.
И кто кого собирался спасти?
И кто для кого зима?..

* * *

Любая ненаписанная строчка
ста тысяч строк написанных точней.
Любая не поставленная точка
спасает то, что следует за ней.
Любая жизнь важнее всех книг на свете.
И глубже, и трагичнее во сто крат.
И может, дверь, ведущая в бессмертье,
есть та же дверь, что в твой выходит сад...

* * *

скажи словам скажи устали
скажи словам скажи уснули
скажи себе скажи едва ли
ты усидишь на этом стуле

он уменьшается шагренью
скажи ещё скажи уже
беги скорей беги за тенью
живи на скользком вираже

скажи словам скажи отстали
скажи часам скажи стоять
скажи мерцанию печали
так сиротливо не мерцать

скажи что мир подобен бреду
нет ничего не говори
скажи что жизнь начнётся в среду
скажи воскресни
и замри